

Политические языки Средневековья

Олег Воскобойников

Словесность и власть в Средние века

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_21

Oleg Voskoboynikov

Verbal Art and Power in the Middle Ages

Олег Воскобойников

Независимый исследователь;
доктор исторических наук, PhD
olegvosk@yandex.ru.

Oleg Voskoboynikov

Independent researcher; PhD habil.
olegvosk@yandex.ru.

Ангажированность средневековой словесности — едва ли не такой же устойчивый стереотип ее восприятия сегодня, как и ее же шаблонность. К обычному вопросу семиолога «кто говорит» медиевист должен прибавить: «для кого» и «зачем». При всей банальности эти дополнительные вопросы не напрашиваются сами собой, когда мы открываем Пелевина или Уэльбека. В связи с очередным романом, помимо фабулы и стиля, нас в лучшем случае побеспокоят какие-нибудь детали биографии, мнения пары критиков, размер роялти и сетевой шум. Когда нужно представить литературное произведение, созданное между 500 и 1500 годами, причем едва ли не любое, мы выясняем обстоятельства его возникновения, без которых оно покажется скучным и диалога не выйдет. И эти обстоятельства чаще всего сами собой выстраиваются в отношения власти и подчинения, как минимум между автором и адресатом.

Средневековье не знало ни литературного рынка, ни фабрики звезд, ни Нобелевской премии. Это не значит, что тысячи писателей и поэтов творили по вдохновению свыше, решали исключительно духовные задачи, радели об одной лишь истине, награду ждали в небесных чертогах и вовсе не думали о тираже. Рукописи переписывали, покупали, дарили, развозили по белому свету. За хорошее стихотворение и своевременное, качественное его исполнение на празднике можно было получить поместье, за хлесткую сирвенту —

изгнание. За красным словом подчас скрывались собственные прагматические цели, подчас задачи, кем-то поставленные перед теми немногими — со всем немногими, — кто хорошо владел пером. И речь не о писателях, но именно о писателях, поэтах любви земной и небесной, агиографах и историках, клириках и мирянах.

Значит ли это, что словесность, как и прочие сферы духовной жизни, пребывала под постоянным контролем властей всех мастей, диктата, с которым любой автор вынужден был считаться? Да, в той мере, в какой всякий средневековый человек, в том числе мыслящий, чувствовал себя ячейкой общества, основанного на отношениях власти и подчинения. Нет, в той мере, в которой всякая власть нуждалась в самовыражении и, следовательно, в тех, кто мог ей в этом помочь: художниках, поэтах, проповедниках, ораторах, историках. Теперь представим себе, что Средневековье лишь к XIII веку осознало, что умников можно и нужно растить и воспитывать целенаправленно, следуя относительно устойчивым программам. Так возникли университеты. До того умники были наперечет, их труд, безопасность и относительный покой ценились, даже если мы не всегда знаем расценки.

Многие средневековые авторы не скрывали ни своих политических амбиций, ни политических пристрастий. Когда монах писал хронику, уже называя свой монастырь, он указывал заказчика и, следовательно, точку зрения. Нам очевидно, что такая точка зрения могла быть лишь «местечковой», взглядом со своей колокольни, причем в прямом смысле этого слова. Но, если сегодня по возможности непредвзято заглянуть в школьные учебники истории, мы поймем, что недалеко ушли от наших предшественников, увеличился лишь масштаб «местечка». И границы распространения точек зрения проходят обычно по государственным границам, в свою очередь переменчивым. Мы редко учимся своей истории по книгам иностранцев. Средневековый автор, указывая заказчика или адресата (который вполне мог быть и заказчиком, и вдохновителем), почти автоматически и сознательно вставал на его точку зрения. Именно она в его сознании приравнивалась к истине, ради которой он брался за труд¹. Но он же эту точку зрения формировал и тоже хорошо о том знал.

Карл Великий (768–814) выстроил на этих не всегда писанных законах первую в Средние века масштабную культурную политику. Без нее немислима его империя, возроденная в Риме в 800 году. В эйфории *renovatio imperii* любая битва, стройка или охота на кабана превращалась в повод восславить «Отца Европы» на языке Вергилия². Сто лет спустя, когда империя ушла в прошлое и превратилась в ностальгическое воспоминание, эстафету перехватили те власти, которые находили поводы и средства, чтобы отстаивать свои притязания на различных языках культуры, — прежде всего на международной латыни и на языке церковного изобразительного искусства. Монастыри и диоцезы управлялись культурной элитой. Будучи полноценными феодальными сеньорами, эта элита обладала и ключами к тому, что мы сегодня назвали бы

-
- 1 Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада / Пер. Е.В. Баявской, Э.М. Береговской. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 377–378.
 - 2 Карл Великий и папа Лев. Ст. 93–94 / Пер. О.С. Воскобойникова // Империя Каролингов между двором и монастырем. Источники / Сост., отв. ред. А.И. Сидоров. СПб.: Евразия, 2022. С. 29.

СМИ, — латинской словесности³. Поэтому за житием святого, рассказом о перенесении мощей, монастырской хроникой, поэмой, вероучительным трактатом, простым письмом могли стоять реальные местные интересы, претензии на власть, чьи-то личные амбиции и обиды. Это не значит, что их нужно искать во всяком средневековом сочинении, но полезно поразмышлять над диалектикой отношений между словесностью, авторами и заказчиками, между мыслящей элитой и элитой властвующей.

Возникает резонный вопрос: как эти отношения влияли на стиль словесности? И если влияли, то отражались ли стили словесности на стилях мышления, поведения, жизни? Куртуазность, как известно, как раз таким стилем и является, причем самым известным (хоть и не всегда четко определимым). Куртуазность — «белая легенда» о Средневековье в нашей массовой культуре, основа основ медиэвализма наряду со Средневековьем *страдающим* и карнавальным. Но вряд ли каждому из нас придет в голову, что это также стиль власти и властных отношений, а не только придворного флирта и рыцарского романа времен Ричарда Львиное Сердце и Робина Гуда. Новоевропейская лирика родилась в нелирических условиях, для решения нелирических задач.

Любители Данте знают, что он был страстным политиком. Но мы все же по-разному читаем и оцениваем «Новую жизнь» и «Монархию», в первой резонно видя высокий интеллектуальный образец сладостного нового стиля, во второй — выраженные на языке «сухой» схоластики имперские мечты изгнанника, объявленного в родном городе вне закона. «Комедия» — не только великая поэма о Боге, мире и человеке, но и сведение счетов с мертвыми и живыми, причем на языке флорентийской повседневности, а не на ученой латыни, средствами хлесткой и даже местами жесткой поэзии, а не деловитой прозы. Поэт прекрасно знал, что он делал, когда писал кардиналам на риторической латыни и когда упаковывал в одну терцину адские муки политического противника. Считываем ли мы сегодня — в старых переводах со старых изданий — все стилистические нюансы его речи на двух языках и в нескольких стилистических регистрах? Даже профессиональное западное дантоведение совсем недавно начало осознавать связь гениального поэта с намного менее гениальными, но все же очень влиятельными в Северной Италии 1300 года явлениями политической риторики времен борьбы Гогенштауфенов и римских понтификов. Именно эта борьба 1220–1260-х годов породила раскол на гвельфов и гибеллинов⁴. Не будь этого страшного раскола, возможно, Данте остался бы дома, с семьей, а у нас не было бы «Комедии».

Историк не хуже Сартра чувствует, что «стиль должен остаться незамеченным», что он подобен радуге: мы наблюдаем в ней совпадение нескольких физических условий, оказавшись между солнцем и дождем, но она исчезает, как только мы пытаемся подойти к ней⁵. Как же искать то, что *по определению*

3 *Sergi G.* Le corti e il mecenatismo // Lo spazio letterario del Medioevo. 1. Il Medioevo latino / A cura di G. Cavallo, Cl. Leonardi, E. Menestó. Vol. II: La circolazione del testo. Roma: Salerno editrice, 1994. P. 310.

4 *Grévin B.* Introduction // Dante. Correspondance. T. II: Le songe impérial. Lettres V-X / Epistolae V-X / Intr., trad., comm. B. Grévin. Paris: Les Belles Lettres, 2023. P. CLIII–CLXVI.

5 *Sartre J.-P.* Qu'est-ce que la littérature? Paris: Gallimard, 1948. P. 30; *Kubler G.* The Shape of Time. Remarks on the History of Things. New Haven; London: Yale University Press, 1962. P. 129; *Воскобойников О.С.* Картины мира и стили мышления в средневековой Европе: постановка проблемы // Одиссей. 2025. С. 94–98.

скрывается? Разве что подражая богослову, чей *предмет* тоже по определению непостижим? И еще: разве есть *стиль* в ведении войны, революции, постройке дороги, двойной бухгалтерии, налогодобложении или парламентских дебатах, отношениях власти и подчинения? На самом деле — есть. Потому что стиль появляется везде, где есть мысль, нуждающаяся в выражении в слове, жесте или художественном образе.

Нам с несколькими моими учениками и коллегами показалось, что будет полезно поразмышлять над коротко сформулированными здесь вопросами. Для этого мы устроили пикник на обочине: каждый из нас обратился к текстам, мягко говоря, лежащим вне поля зрения большого литературоведения. Более того, и медиевистов, что-то слышавших о Гуто Фальканде, Иоанне Лиможском или о Хеммерли, можно пересчитать по пальцам. Все знают о кастильском короле Альфонсо X Мудром — потому что «мудрых» среди средневековых властителей (в отличие от нашего просвещенного века) мало. Но кто читал написанные для него и им самим «Кантиги о Деве Марии»? Не говоря уже о том, чтобы задуматься об их месте в имперской политике государя, заказчика и автора в одном лице? В наши задачи не входил пересмотр каких-либо канонов и хрестоматийных списков. Рецепция средневековой литературы остается и, боюсь, останется спорадической, непоследовательной, фрагментарной. Сами границы «литературного» и «нелитературного» в ней размыты, поэтому я предпочитаю говорить о словесности — и представленный в наших статьях материал тому доказательство. Между тем в каждом фрагменте очень разношерстных текстов, опубликованных и неопубликованных, мы нашли ответы на вопросы, волнующие сегодня вовсе не только нас, медиевистов⁶.

Библиография / References

Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / Сост., отв. ред. О.И. Тогоева, О.С. Воскобойников. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2021.

(Anatomia vlasti: gosudari i poddannnye v Evrope v Srednie veka i Novoe vremia / Ed. by O. Togoeva, O. Voskoboynikov. Moscow, 2021.)

Воскобойников О.С. Картины мира и стили мышления в средневековой Европе: постановка проблемы // Одиссей. 2025. С. 94–122.

(Voskoboynikov O.S. Kartiny mira i stili myshleniya v srednevekovoy Yevrope: postanovka problemy // Odissey. 2025. P. 94–122.)

-
- 6 Наши статьи были впервые представлены в виде докладов на конференции «Политический язык и языки политических теорий», прошедшей в апреле 2024 года в Высшей школе экономики, где до недавнего времени работала лаборатория медиевистических исследований и существовала специальная магистерская программа по подготовке медиевистов. И конференция, и наши доклады продолжили обсуждение вопросов, волновавших наш коллектив последние 12 лет и отразившихся в нескольких томах серии *Polystoria*, выпускаемой «Издательским домом НИУ ВШЭ». См., например: *Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время* / Сост., отв. ред. О.И. Тогоева, О.С. Воскобойников. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2021. Мы благодарны организаторам и участникам конференции за обсуждение, советы и каверзные вопросы.

- Гене В.* История и историческая культура средневекового Запада / Пер. Е.В. Баевской, Э.М. Береговской. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- (*Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. Moscow, 2002 — In Russ.)
- Grévin B.* Introduction // Dante. Correspondance. T. II: Le songe impérial. Lettres VX / Epistolae V–X / Intr., trad., comm. B. Grévin. Paris: Les Belles Lettres, 2023. P. XXIII–CLXXXIV.
- Kubler G.* The Shape of Time. Remarks on the History of Things. New Haven; London: Yale University Press, 1962.
- Sartre J.-P.* Qu'est-ce que la littérature? Paris: Gallimard, 1948.
- Sergi G.* Le corti e il mecenatismo // Lo spazio letterario del Medioevo. 1. Il Medioevo latino / A cura di G. Cavallo, Cl. Leonardi, E. Menestó. Vol. II: La circolazione del testo. Roma: Salerno editrice, 1994. P. 299–330.